

Эр Юэхун смущённо покраснела, и в её глазах блеснули слёзы. Поклониться Шан Сижую было бы вполне уместно, но делать это под давлением было уже унижительно. Лаюэ Хун сделал шаг вперёд, готовый, если его сестра откажется, защитить её и вывести из зала. Шан Сижуй тоже не ожидал, что Юань Лань затеет такое, и замер, думая: «Вы можете её унижать, но зачем втягивать меня?»

Честно говоря, Шан Сижуй, несмотря на свою суровость, никогда не был жестоким или придирчивым к своим актёрам. Он относился к ним скорее как старший коллега, был щедр и добродушен. С теми, кто умел льстить, он шутил и общался тепло, а с теми, кто был молчалив, он был справедлив и не дожимал их. Настоящими злодеями были Юань Лань и её подружки, которые злоупотребляли своим положением. Шан Сижуй был виноват только в том, что не управлял делами труппы должным образом, позволяя интриганам хозяйничать в Тереме Водных Облаков. Он был наивным правителем, который не справлялся с управлением.

Эр Юэхун, помня доброту Шан Сижую, сдержанно сдерживая слёзы, поклонилась ему три раза. Сяо Лай быстро подняла её и сунула ей конверт с деньгами. Шан Сижуй слегка повернулся, взглянул на неё и сказал:

— Впредь будь осторожна!

Эр Юэхун ушла, а Лаюэ Хун побежал за ней, чтобы проводить, и смотрел, как она садится в машину, пока та не скрылась из виду. Затем он вернулся, подавленный, чтобы готовиться к выступлению. На сцене он отвлёкся, неудачно выполнил трюк, и зрители освистали его. Он с позором спустился со сцены. Все актёры знали характер Шан Сижую: сегодня был его главный спектакль, и если что-то пойдёт не так, это повлияет на всё представление. Это был строжайший запрет! Лаюэ Хун был в беде! Шан Сижуй действительно ворвался, как пушечное ядро, и с силой пнул Лаюэ Хуна в бедро, сбив его с ног, затем взорвался криком:

— Что это за ошибка! Эр Юэхун ушла, и ты больше не можешь петь? Не можешь петь! Тогда иди к ней в приданое!

Чэн Фэнтай услышал его крик ещё за дверью и, войдя, увидел Лаюэ Хуна, лежащего на полу, а Шан Сижую, гневно наступившего на его спину. Это должно было выглядеть героически, но из-за того, что грим женского амплуа был нанесён наполовину, а сценические рукава развевались, это больше напоминало сцену с разгневанной женщиной.

Чэн Фэнтай рассмеялся:

— Ха! Господин Шан, вы что, «Учитель боевых искусств» или «У-сун против тигра»?

Все засмеялись, а Шан Сижуй, всё ещё злясь, отпустил Лаюэ Хуна и позволил Сяо Лай приколоть ему стеклянную заколку. Лаюэ Хун поднялся с пола, и, не глядя, было ясно, что место, куда его пнули, уже посинело. Другие утешали его:

— Хорошо, что ты ошибся не в спектакле господина Шана. Если бы ты испортил его выступление, ой...

Они не могли даже закончить фразу, настолько это было страшно. Лаюэ Хун сразу почувствовал, что его боль была ничтожной.

Все готовились к выступлению, кто-то болтал. Шан Сижуй, закончив гримироваться, сидел перед зеркалом, погружённый в свои мысли, не обращая внимания на суету вокруг. Его задумчивость нельзя было назвать просто задумчивостью, это было погружение в роль. Так прошло около получаса, и он был готов выйти на сцену. Тем временем Чэн Фэнтай сидел на диване и читал газету. Когда Шан Сижуй заканчивал выступление, любители оперы тут же появлялись за кулисами, и у него не было ни минуты покоя. Когда они только познакомились, Шан Сижуй никого из знаменитых любителей оперы не допускал к себе, после спектакля он всегда долго обсуждал с Чэн Фэнтаем детали выступления, а затем шёл ужинать. Теперь, спустя годы, Шан Сижуй вернулся к обычному общению, и его беседы с любителями оперы были оживлёнными. Чэн Фэнтай не ревновал и не чувствовал себя неловко, он просто пил чай, курил и читал газету, думая о своих делах. Шан Сижуй чувствовал себя спокойно, просто видя Чэн Фэнтая рядом, даже если вокруг было много людей. Ему было достаточно, чтобы Чэн Фэнтай просто сидел там, как будто остальные не имели значения. Если они не виделись два дня, Шан Сижуй начинал злиться. Поэтому Чэн Фэнтай приходил за кулисы каждый день, как по расписанию. Когда грим снимали, любители оперы приглашали Шан Сижую на ужин, и он собирался принять приглашение. Чэн Фэнтай сворачивал газету, клал её под столик и уходил домой спать. Новые любители оперы, не знавшие Чэн Фэнтая, не понимали, кто этот человек. Если он был любителем оперы, то почему его никогда не видели в кассе? Если он был управляющим театра, то почему он выглядел так важно? Старые любители оперы знали этого второго господина и, пока Чэн Фэнтай тушил сигарету и собирал свои вещи, смеялись:

— Господин Чэн, ваш способ поддерживать актёров всё больше напоминает князя Ци.

Упомянув знаменитого князя Ци, старшее поколение засмеялось, соглашаясь, что это действительно так! Шан Сижуй тоже смотрел на Чэн Фэнтая и улыбался.

Чэн Фэнтай, надевая пиджак, спросил:

— А? Князь Ци, я знаю. Как он поддерживал актёров?

— Его светлость никогда не сидел в ложе, он всегда сидел за кулисами и курил опиум. Когда наступала очередь спектакля господина Нин, князь Ци выходил на сцену в эпизодической роли, произносил одну реплику, а затем возвращался за кулисы курить опиум.

Сравнение князя Ци, поддерживающего Нин Цзюлана, и Чэн Фэнтая, поддерживающего Шан Сижую, содержало намёк на их отношения. Разве в этой среде кто-то не знал, как князь Ци относился к Нин Цзюлану?

Чэн Фэнтай рассмеялся:

— Я более предан, чем князь Ци. Спросите господина Шана, я чаще сижу в ложе. Сегодняшний спектакль я видел уже раз восемьсот, поэтому не пошёл в зал. Я уже могу сам его спеть!

Любители оперы зашумели:

— Почему бы вам, господин Чэн, не выступить однажды в роли? Ваш голос звучит неплохо, пусть господин Шан вас научит, и вы сразу станете звездой!

Чэн Фэнтай рассмеялся:

— Он меня учить? С его характером, я боюсь, что он меня побьёт!

Он посмотрел на Шан Сижую:

— Я ухожу, вы развлекайтесь. Господин Шан?

Шан Сижуй кивнул:

— Завтра тоже приходи. Я покажу тебе «Сваху» с Малышом Чжоу.

Чэн Фэнтай улыбнулся в ответ.

На следующий день, поскольку Чжоу Сяньюнь и Ян Баоли должны были вступить в труппу, вместе с ними присоединились ещё два актёра мужских ролей, два актёра военных ролей и один актёр женских ролей. Все они собрались в Гильдии актёров, чтобы подписать контракты и поклониться Патриарху-основателю, что было традиционным праздничным событием. Однако это событие не было открыто для посторонних. Чэн Фэнтай не особо интересовался внутренними делами актёров, но он пришёл, чтобы составить компанию Шан Сижую. Шан Сижуй пригласил его наблюдать, и никто не смел возражать. Среди прочих присутствующих были несколько известных любителей оперы, старшие мастера и восторженный Ду Ци. Ду Ци, скрестив руки, с удовлетворением улыбался, как будто в его семье появились новые члены. Эти два маленьких актёра ему тоже очень нравились.

Чжоу Сяньюнь и Ян Баоли были одеты в аккуратные синие чаншани, подписали контракты и поставили отпечатки пальцев. Ян Баоли был в восторге от того, что его карьера взлетела вверх, и он мечтал о славе и успехе. Чжоу Сяньюнь был более скромным, он просто радовался, что его тяжёлая жизнь, полная побоев и унижений, наконец закончилась, и, ставя отпечаток пальца, у него на глазах появились слёзы. Когда пришло время поклониться Патриарху-основателю, Чжоу Сяньюнь почтительно поклонился и зажёг благовония, а Ян Баоли, поклонившись, внезапно повернулся и встал на колени перед Шан Сижуюем, трижды ударившись лбом о пол. Все были слегка удивлены, не понимая, что он задумал. Шан Сижуй слегка отступил, думая: «Почему в последнее время все хотят мне кланяться?»

Ян Баоли произнёс:

— Патриарх на алтаре — это патриарх для всех актёров, а господин Шан — мой личный патриарх. Патриарх, прими поклон своего ученика!

Чжоу Сяньюнь стоял в растерянности. Он не мог сделать то же самое! Хотя он думал так же, как Ян Баоли, он просто не мог повторить этот жест.

<http://bllate.org/book/15435/1368677>